

Полдень в клубе всё ещё был залит мягким светом. Лучи пробивались сквозь щели в окнах, освещая рабочие столы и подчёркивая туманную дымку на утренних фотографий.

Сяоминь кончиком пальца коснулась той самой фотографии у озера, где она запечатлена с плакучими ивами на плечах и сияющим взглядом. Украдкой она бросила взгляд на Сяолунь, сидевшую рядом: короткие волосы мягко блестели на свету, а пальцы, подрезающие киноплёнку, двигались уверенно и сосредоточенно.

Обсуждая выездную фотосессию, Сяоминь протянула штатив, и её подушечки пальцев случайно скользнули по ладони Сяолунь — от этого тепла по коже побежали мягкие волны.

Сяолунь подняла глаза, уголки её губ чуть приподнялись, и она тихо произронила: — Спасибо.

На мгновение их взгляды встретились, и в этом было столько нежности, что от одного её вида замирало сердце.

Другие члены клуба весело переговаривались, сгрудившись вокруг макета выставки, а Сяоминь и Сяолунь по-прежнему действовали слаженно и с полуслова понимали друг друга.

Они плечом к плечу прибирались у ванночек для проявки, а водная гладь отражала осколки света от подвесной лампы. Сяоминь невольно подалась ближе, и их плечи соприкоснулись.

Началась практика. Сяоминь встала на своё привычное место, распустив длинные волосы навстречу свету. Сяолунь присела на корточки, выстраивая ракурс, и сказала: — Спрячь руки в шарф, так будет естественнее.

Раздался тихий щелчок затвора. Сяоминь послушно сменила позу, и в позе, подсмотренной в тумане, теперь появилась новая нотка интимности.

Она смотрела в объектив, чувствуя, как этот взгляд продлевает их утреннее мгновение до самого текущего момента.

Сделав несколько кадров подряд, Сяолунь поднялась и придвинулась ближе, чтобы посмотреть снимок на экране камеры: — Свет здесь лёг просто отлично, твои черты лица выглядят невероятно красиво.

Её палец указал на изображение плеча Сяоминь на экране, а шёпот предназначался только для них двоих. Щеки Сяоминь слегка покраснели, а в озере её сердца заходили мелкие круги.

В перерыве между практикой они сидели на каменных ступеньках у окна, допивая остатки кофе.

Сяоминь тихо произнесла: — Когда вчера во время проявки ты касалась фотографий, моё сердце так сильно билось.

Сяолунь улыбнулась, протянула руку, убирая со лба растрёпанные пряди, и её пальцы задержались на мгновение: — Потому что это наши моменты.

Их ладони переплелись, и время словно замедлило свой ход.

Окружающие соклубники были заняты своими делами, и никто не обращал внимания на эту тихую нежность.

Но когда Сяоминь поднялась, чтобы взять реквизит, и проходила мимо двух соклубников с задних рядов, воздух вокруг неумовимо изменился.

Один из них понизил голос и сказал товарищу: — В последнее время они и правда здорово сработались.

Другой тихо поддакнул, и в его голосе прозвучало любопытство: — Ага, вечно они вместе.

Слова прозвучали невнятно, словно фоновый шум, но заставили Сяоминь слегка замедлить шаг. Она оглянулась, сделав вид, будто что-то ищет, но эхо тех слов никак не хотело уходить из головы.

С того дня странное ощущение стало медленно сгущаться, словно утренний туман. Когда Сяоминь шла одна по школьной аллее, ей часто казалось, что чей-то чужой взгляд касается её спины.

Во время клубных занятий она входила в кадр, пытаясь воспроизвести ту сладкую, естественную позу, её длинные волосы легко касались плеч, а на губах играла всё та же мягкая улыбка. Однако за пределами объектива соклубники стали задерживаться подольше, некоторые обменивались взглядами, и из углов доносился шёпот: — Лунь снова снимает Сяоминь. — Их кадры какие-то слишком близкие.

Голоса были мягкими, без явных обвинений, но от них ресницы Сяоминь едва заметно дрожали, а вымученная улыбка становилась натянутой.

Она смотрела на Сяолунь, надеясь, что этот спокойный взгляд разгонит её тревогу, но Сяолунь была сосредоточена лишь на затворе и бросала: — Расслабься, смотри сюда.

Ночью в общежитии свет настольной лампы выхватывал из темноты слои стоявших стопками фотографий. Сяоминь рассматривала каждый силуэт у озера — те кадры, что должны были излучать мягкость, теперь казались покрытыми тончайшими трещинами. Хотя шепотки не были злобными, они постепенно разрушали их взаимопонимание.

Она ворочалась в постели, не в силах уснуть. За окном уличный фонарь размывал оранжевое сияние, а тени ветвей покачивались от ветра. То, что нравилось им двоим и было сокровенным, после того как об этом узнали другие, приобрело оттенок чего-то чужеродного.

На следующий день на практике изменения проявились ещё отчётливее. Соклубники разбились на группы, обсуждая оформление выставки. Сяоминь и Сяолунь стояли плечом к плечу, аккуратно беря пинцетами листы фотобумаги, а капли воды падали на их рукава. Сзади донеслись обрывки разговоров: — Слышал, они вместе ходили на утреннюю съёмку? — Ага, Лунь с ней особенно возится.

Тон был обычным, повседневным, но от него рука Сяоминь чуть дрогнула, и по воде поползли медленные круги.

Она подняла глаза на Сяолунь, но та по-прежнему действовала хладнокровно, словно ничего не слышала. Эта невозмутимость лишь сильнее тревожила её сердце.

Практика продолжалась. Руки Сяоминь слегка дрожали, а солнечный свет падал на неё, заставляя стоять в самом центре яркого пятна. Сяолунь подняла камеру и сказала: — Смотри на меня.

Раздался щелчок затвора, но Сяоминь показалось, что окружающие взгляды режут глаза. Она закусила губу, и её улыбка на мгновение застыла.

Сяолунь опустила фотоаппарат, легко нахмурила брови и спросила: — Композиция разрушена, в чём дело?

Сяоминь покачала головой: — Всё в порядке. — Но на душе царил полный хаос.

После окончания занятий в клубе они остались вдвоём.

Сяоминь наконец не выдержала и выпалила: — Разве ты не слышала? Они говорят, что мы слишком близко сработались. — Её голос тонко дрожал.

Сяолунь прекратила убирать вещи, повернулась и посмотрела ей прямо в глаза: — Слышала. Эти слова не имеют никакого значения.

Сердце Сяоминь сжалось: — Но от этих взглядов мне тревожно, каждый шаг словно под прицелом. Я боюсь стать предметом их сплетен, боюсь, что больше не смогу оставаться в клубе. — В её глазах заблестели слёзы, она отвернулась спиной к Сяолунь: — Ты всегда такая невозмутимая, а я каждый день живу под этими взглядами, и ничего не могу скрыть.

Сяолунь подошла ближе, протянула руку и крепко сжала её запястье: — Главное — это мы вдвоём. Нам не нужно чужое одобрение для этих чувств.

Сяоминь выдернула руку, повысив голос на полтона: — Но я боюсь! Боюсь, что то, как мне кто-то нравится, сочтут ненормальным!

Воздух на мгновение застыл.

Сяолунь тихо произнесла: — Я понимаю твои чувства. Но бегство ничего не исправит. Я буду ждать, пока ты во всём разберёшься.

Дверь клубной комнаты тихо закрылась. Сяоминь сидела за столом в одиночестве, а водная гладь отражала её бледное лицо.

Трещина в ценностях впервые разрушила их взаимопонимание.

Вечером на тропинке заходящее солнце вытянуло её одинокую тень в длинную полосу, а случайно встреченные соклубники прятали глаза.

Сяоминь шла, низко опустив голову, и, вернувшись в комнату общежития, уставилась на стол: улыбка на утренней фотографии больше не казалась такой чистой. Чужие пересуды постепенно отравляли её чувства. То, что ваши чувства видят другие, пугало сильнее, чем сам факт съёмки. Она раскрыла дневник, кончик ручки коснулся бумаги, чернила медленно расплылись, оставляя строчку: Оказалось, что когда любовь становится заметной для всех, это страшнее, чем быть запечатленной на снимке.

<http://bllate.org/book/21310/2162736>